

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 46**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 46 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 304 с.

ISBN 978-5-458-04695-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04695-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ Совѣта Московскаго Психологическаго Общества.

Предыдущая, вышедшая въ декабрѣ 1898 года, 45-я книга журнала «Вопросы философіи и психологіи» является началомъ *десятаго* года его изданія (первая книга его вышла въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1889 года). Вступивъ въ десятый годъ своего существованія, русскій философскій журналъ не можетъ не отмѣтить въ своей исторіи весьма утѣшительнаго факта. Упрежденное годъ назадъ С.-Петербургское Философское Общество обратилось къ Московскому Психологическому Обществу съ предложеніемъ своего содѣйствія въ изданіи журнала «Вопросы философіи и психологіи», какъ *общаго органа русской философской мысли*. Психологическое Общество, разумѣется, сочувственно приняло предложеніе Петербургскаго Философскаго Общества. Съ января 1899 г. оба Общества, Психологическое и Философское, будутъ принимать дружное участіе въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи» и вмѣстѣ содѣйствовать его содержательности и успѣху. Въ единеніи—сила, и

мы съ особеннымъ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ здѣсь фактъ нравственнаго союза обоихъ Обществъ въ плодотворной и важной для нашего отечества работѣ. Чѣмъ дружнѣе мы будемъ служить высокой цѣли развитія философскаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе принесемъ пользы общему дѣлу подъема въ Россіи идеаловъ духа.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества **Николай Гротъ.**

Редакторъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» **В. П. Преображенскій.**

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Значительная часть петербургскихъ представителей философской мысли съ самаго основанія журнала «Вопросы философіи и психологіи» постоянно были его сотрудниками, такъ что уже и раньше онъ служилъ *общимъ* органомъ русской философской мысли. Когда же въ С.-Петербургѣ возникло Философское Общество, Московское Психологическое Общество, привѣтствуя его съ величайшимъ сочувствіемъ, какъ своего собрата, вмѣстѣ съ тѣмъ любезно предложило ему пользоваться для его цѣлей страницами «Вопросовъ философіи и психологіи». Принимая съ благодарностью это приглашеніе и сознавая, что обоимъ русскимъ философскимъ обществамъ слѣдуетъ поддерживать между собой братское единеніе и по мѣрѣ возможности содѣйствовать другъ другу въ достиженіи преслѣдуемыхъ ими цѣлей, С.-Петербургское Философское Общество въ засѣданіи 15 декабря 1898 года постановило предложить Московскому Психологическому Обществу свое содѣйствіе въ изданіи «Вопросовъ философіи и психологіи».

Предсѣдатель С.-Петербургскаго Философскаго Общества **Александръ Введенскій.**

М. С. Корелинъ.

(† 3 января 1899 г.).

М. С. Корелинъ, профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, происходилъ изъ крестьянъ, родился 30 августа 1855 г. въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губ., въ 1868 г. изъ рузскаго уѣзднаго училища поступилъ въ первую московскую гимназію, въ 1880 г. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1892 г. получилъ степень доктора исторіи за диссертацию „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“.

Пишу о немъ не какъ объ ученомъ, а какъ о товарищѣ по профессіи, съ которымъ нерѣдко приходилось дѣлиться мыслями. А его образъ мыслей, думаю, не лишень и общаго интереса.

Въ него надобно было пристально и долго всматриваться, чтобы помирить одно видимое противорѣчіе въ его характерѣ. Въ немъ совмѣщались особенности, обыкновенно признаваемые несовмѣстимыми и дѣйствительно рѣдко уживающіяся вмѣстѣ въ одной сколько-нибудь складно сложившейся личности. Одна изъ нихъ была въ глаза своимъ усиленнымъ проявленіемъ и казалась неосторожной привычкой или недостаткомъ умѣнія обращаться съ людьми: это его склонность съ излишней откровенностью называть вещи своими именами и особенно дурныхъ людей и дурныя вещи—именами, соответствующими ихъ природѣ. Не замѣчая настроенія, внушавшаго эту склонность, спѣшили при-

писать ее злоязычію. Даже люди доброжелательные и потому медлительные въ строгихъ приговорахъ о ближнемъ готовы были видѣть въ этой привычкѣ своего добраго знакомаго отраженіе пессимистическаго образа мыслей, не умѣя найти для нея лучшаго источника, и снисходительно оправдывали такой образъ мыслей трудностью присужденнаго ему судьбой, житейскаго пути, не умѣя подыскать ему какого-либо лучшаго оправданія. Но это была совсѣмъ не нужная снисходительность, потому что М. С. Корелинъ какъ родился, такъ и умеръ устойчивымъ оптимистомъ наперекоръ судьбѣ, которая повела его такимъ труднымъ житейскимъ путемъ. Онъ вѣрилъ въ идеи, какъ понималъ ихъ, а понималъ ихъ, какъ высокія и благотворныя мысли, свѣтлыми откровеніями западавшія въ избранные умы, и вѣрилъ, что эти мысли и суть настоящія историческія силы; эти силы, проникая въ людскую жизнь посредствомъ слова, рѣзца, кисти, музыкальнаго звука, превращаются въ дѣятельные житейскіе факты, становятся историческими факторами, пружинами, движущими человѣчество все впередъ и впередъ, все къ лучшему и совершеннѣйшему состоянію. Это былъ идеологъ и идеофилъ въ хорошемъ смыслѣ этихъ словъ. Отсюда у него, профессора всеобщей исторіи, особенная любовь къ исторіи литературы и искусства, преобладающій интересъ къ судьбамъ личной жизни, къ успѣхамъ умственнаго и нравственнаго развитія, къ исторіи культуры. Его вниманіе приковывали къ себѣ эпохи и движенія, особенно обильныя сильными умами и идеями, глубоко проникавшими въ жизнь людскихъ массъ и на цѣлыя вѣка ею овладѣвавшими, — древній Востокъ, языческій и библейскій, колыбель религій, гуманизмъ, какъ первый широкій и смѣлый размахъ свободной мысли. Онъ понималъ историческую силу въ смыслѣ героической, а не статистической величины, а героизмомъ въ исторіи онъ признавалъ только умственное и нравственное богатство, и оно одно способно было плѣнить его осторожную мысль, дорожившую больше всего своей независимостью.

Хотя такой взгляд на историческій процессъ находить себѣ все меньше и меньше сторонниковъ, никто еще не взвѣсилъ съ провѣренной и общепризнавнѣй точностью, сколько въ немъ субъективнаго увлеченія и сколько научной правды. Но большой интересъ, біографическій и психологическій, представляетъ тотъ случай, что такой взглядъ могъ сложиться въ русскомъ ученомъ второй половины XIX вѣка, родившемся и воспитавшемся въ средѣ, какъ нельзя болѣе удаленной отъ міровой сцены, на которой разыгрывались такія героическія драмы. Да и всякому ученому нашего времени, не только русскому, даже люди иного образа мыслей не рѣшались отказать въ значительной умственной и нравственной энергіи и устойчивости, если онъ могъ въ полной сохранности, безъ уступокъ и потерь, пронести такой до вѣрованія убѣжденный взглядъ сквозь усиленный напоръ историческихъ воззрѣній совсѣмъ не столь ободрительнаго оптимистическаго свойства. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что такой взглядъ могъ лишь помочь М. С. Корелину твердымъ шагомъ пройти очень плохо выровненный путь отъ сельской мельницы на р. Рузѣ до кафедръ въ Московскомъ университетѣ.

Но, оставшись до конца историкомъ-оптимистомъ, онъ не вынесъ изъ своего опыта дѣтски-простодушнѣй идилліи съ вѣчно-безоблачнымъ лазурнымъ міросозерцаніемъ. Совсѣмъ напротивъ, пережитыя испытанія и собранныя наблюденія научили его отчетливо считать и взвѣшивать историческія условія, мѣшающія безостановочному движенію человѣческаго прогресса. И во взглядѣ на эти зловредныя условія онъ остался вѣренъ своему историческому оптимизму. Онъ не признавалъ за ними ни исторической необходимости, ни метафизической надобности. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ похожъ на древняго дуалиста Зендавесты, который все же оправдывалъ бытіе людей и дѣлъ отрицательнаго порядка, возводя ихъ къ особому самобытному міровому началу зла. По отношенію къ этимъ непріятнымъ явленіямъ М. С. Корелинъ не допускалъ ни оправданія отъ высшей те-

леологии, ни сердобольнаго снисхожденія по челоѣколюбію, какъ къ жалкой глупости, ни даже простой полицейской терпимости, какъ къ неизбежному злу стихійнаго происхожденія. Ни въ челоѣкѣ, ни въ природѣ онъ не находилъ никакого прирожденнаго имъ злого начала и думалъ, что въ дурныхъ или неразумныхъ дѣлахъ и людяхъ, причиняющихъ столько огорченій людямъ добрымъ и умнымъ, прежде и больше всего виноваты сами же эти добрые и умные люди: если бы послѣдніе все толково обдумывали и за всѣмъ хорошенько присматривали, считая то и другое своимъ общественнымъ долгомъ, подѣ условіемъ котораго имъ даны и умъ и доброта, то на свѣтѣ не было бы ни зла, ни глупости, и такимъ образомъ глупцы и негодяи таковы не по своей природѣ, а по тому положенію, какое позволили имъ или заставили ихъ занять недоразумѣнія или равнодушіе умныхъ и добрыхъ людей. Вотъ почему людямъ, скорбѣвшимъ о дурномъ и неразумномъ въ мірѣ, отъ языка М. С. Корелина доставалось не легче, нежели тѣмъ, кто дѣлаетъ дурное и неразумное. Не было пошлости ни дурнымъ, ни добрымъ, потому что и въ дурныхъ оказывались виноватыми добрые же. Притомъ обличенія высказывались безъ горечи и негодованія, а какъ будто даже съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, какъ говорятъ о наказанномъ пороѣ. Да онъ не шадилъ и самого себя, находя какое-то удовольствіе въ томъ, чтобы говорить о своихъ недостаткахъ и приписывать себѣ не особенное возвышенныя побужденія. Казалось несообразнымъ такое сочетаніе пессимизма словъ съ оптимизмомъ научныхъ воззрѣній. Пытались объяснить совмѣщеніе такихъ противоположностей различіемъ ихъ источниковъ: пессимизмъ языка считали свойствомъ характера, оптимизмъ воззрѣній приписывали направленію мышленія. Иначе говоря, одно противорѣчіе мирили другимъ худшимъ, разладъ между словомъ и мыслью оправдывали разладомъ между умомъ и характеромъ.

Нѣтъ никакой нужды въ такомъ примиреніи, потому что нѣтъ самаго противорѣчія. Оптимизмъ—вовсе не сантимен-

тальность. Истинный оптимистъ не тотъ, кто думаетъ, что все на свѣтѣ устроено къ лучшему и какъ нельзя лучше, а кто убѣжденъ, что все здѣсь можно и должно устроить лучше, чѣмъ это стоитъ теперь. Это обычный признакъ оптимизма, даже характерный приѣмъ оптимистическаго мышленія — соединеніе свѣтлыхъ упованій на будущее съ недовольнымъ взглядомъ на настоящее. Съ этой чертой мышленія тѣсно связана и одна нравственная особенность оптимизма — совмѣщеніе вѣры въ человѣка съ недовѣріемъ къ людямъ, потому что люди пока такъ еще мало оправдываютъ свой общій идеалъ *человѣка*, конечно, *человѣка*, идеалистически построеннаго. Происходитъ это оттого, что люди берутся за дѣла не по плечу, идеи высокія или признанныя таковыми проводятся умами средняго роста и проводятся такъ, что искренно вѣрующіе въ нихъ только портятъ ихъ, а проводники поразсчитливѣе сами не вѣрятъ въ проводимыя ими идеи, какъ въ несбыточныя мечты. Въ этомъ виновата не злая природа людей, а ихъ неумѣлость или неразвитость, недомысліе или легкомысліе; по винѣ этихъ недостатковъ коренныя принципы жизни размѣниваются на мелкіе интересы, высокія идеи вырождаются въ низменныя тенденціи. М. С. Корелинъ безъ излишней брезгливости смотрѣлъ на неопрятную механику жизни. „Въ сущности нѣмцы, — писалъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ изъ Германіи лѣтомъ прошлаго года, вскорѣ послѣ выборовъ въ новый рейхстагъ, — нѣмцы совершенно довольны тѣмъ количествомъ свободы, какое предоставлено въ ихъ распоряженіе, а весьма многіе очень бы желали ея ограниченія и притомъ съ разныхъ концовъ. Юнкера и вообще землевладѣльцы очень не прочь юридически позадержать деревенскихъ рабочихъ отъ переселенія въ городъ и вполне сочувствуютъ фабрикантамъ, когда они заговариваютъ объ ограниченіи рабочихъ союзовъ. А какъ относятся къ свободѣ социалисты, — хорошо извѣстно. Ими старались запугать избирателей. Но этого пугала здѣсь никто не боится, такъ какъ социалистическіе иде-

алы признаются во глубинѣ души мечтами и самими социалистами. Очень жаль, что при недавнемъ распредѣленіи портфелей во Франціи обошли социалистовъ, я убѣжденъ, что социалистическій министръ оказался бы уряднымъ оппортунистомъ“.

Но всякая подобная фальшь—дѣло поправимое. Зло не можетъ быть ни своею цѣлю, ни своимъ источникомъ; оно не рождается само изъ себя, а возникаетъ изъ неумѣлаго обращенія съ добромъ. Потому оно—не вѣчное бѣдствіе челоуѣчества, а только временное затрудненіе. Время и избавить отъ него: люди еще поучатся, понаберутъ знаній и опытовъ, поглубже вдумаются въ себя и въ вещи, поплачутъ и поймутъ, —и будущее дождется свѣтлыхъ дней, какихъ не видало прошлое. На что же тутъ негодовать или брюзжать, чѣмъ огорчаться? Это было бы похоже на логику ребенка, который сердится и кричитъ, пока не накажутъ предмета, о который онъ ушибся. Надобно не злиться на зло, а перерабатывать его въ добро, а этому очень много помогаетъ, когда называютъ вещи подобающими именами, глупое глупымъ, смѣшное смѣшнымъ. Когда въ отвѣтъ на теорію послѣдовательнаго историческаго прогресса М. С. Корелину полуншутя напоянали извѣстные заунывные стихи Горация о послѣдовательной порчѣ поколѣній *), онъ соглашался, что бываютъ времена упадка, эпохи декадентства; но историческій процессъ измѣряется не отдѣльными эпохами, а дѣльными періодами. Когда дѣло идетъ къ веснѣ, минутныя колебанія термометра, зависящія отъ переменчивости вѣтровъ, не мѣшаютъ общему подъему средняго уровня температуры. Даже въ катастрофахъ, какія постигаютъ людей съ ихъ высокими идеями, надобно видѣть не крушеніе самихъ идей, а

*) *Damnosa quid non imminuet dies?*

Aetas parentum, peior avis, tulit

Nos nequiores, mox daturos

Progeniem vitiosiore.

(Чего не испортитъ губительное время? Вѣкъ нашихъ отцовъ былъ хуже дѣдовскаго и произвелъ насъ, которые еще хуже, а мы не замедлимъ произвести поколѣніе извращеннѣе прежнихъ).

только неудачныя испытанія людей, недостаточно пригото-
вившихся къ дѣлу. Въ томъ же письмѣ, отвѣчая на одинъ
поставленный корреспондентомъ вопросъ, онъ настойчиво
пишетъ о „неизбѣжности культуры“, постепеннаго ея дви-
женія впредъ, и о невозможности поворота назадъ. „Мо-
жетъ быть, некультурный человѣкъ живетъ и умираетъ
счастливѣе насъ, но къ его состоянію нельзя уже вер-
нуться, потому что это противно законамъ человѣческаго
духа, а слѣдовательно и исторіи“. Тожество законовъ чело-
вѣческаго духа и исторіи—одно изъ основныхъ положеній
историческаго идеализма, какъ онъ сложился въ міровоззрѣ-
ніи М. С. Корелина. „Намъ не остается, значитъ,—продолжа-
етъ онъ далѣе,—никакого другого выхода, кромѣ работы надъ
тѣмъ, чтобы при культурныхъ формахъ жить счастливо и уми-
рать спокойно. И это возможно, потому что во всемъ мірѣ
нѣтъ существа сильнѣе слабаго, хрупкаго человѣка; онъ
подчинилъ себѣ природу, не будучи въ состояніи создать
крупинки матеріи и самаго минимальнаго количества силы;
ужели онъ не справится съ условіями и формами собствен-
наго общежитія? Невѣроятно, по моему мнѣнію“.

Понятно важное, даже преобладающее значеніе, какое
придавалъ онъ въ историческомъ процессѣ силамъ умствен-
нымъ и, особенно, нравственнымъ. И онъ внимательно слѣ-
дилъ за движеніемъ вопроса объ этомъ въ исторической
наукѣ. Въ оставшейся послѣ него записной тетради со-
хранилось конспективное изложеніе статьи К. Лампрехта:
„Was ist Kulturgeschichte?“ Здѣсь съ особеннымъ ударе-
ніемъ отмѣчено, что „авторъ отрицаетъ, какъ односто-
ронность, признаніе исключительнымъ факторомъ исторіи
силъ моральныхъ, какъ дѣлаетъ Кантъ, силъ умственныхъ
или матеріальныхъ, какъ дѣлаютъ Бокль и Марксъ“.

М. С. Корелинъ былъ далекъ отъ такой односторонности.
Но по самому характеру того, что онъ называлъ своимъ
міросозерцаніемъ, онъ не могъ придавать одинаковаго зна-
ченія всѣмъ этимъ силамъ. Для него личность всегда была
главнымъ историческимъ факторомъ; она — и основной ры-